

## Борьба съ адомъ.

(Къ вопросу о вѣчности мученій.)

На страшномъ судѣ Господь скажетъ грѣшникамъ : „Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. И грѣшники пойдутъ въ муку вѣчную.“

Вотъ ужъ почти двѣ тысячи лѣтъ, какъ прогремѣли эти слова, и все еще человѣческое сознаніе не можетъ ихъ вмѣстить. Во всѣ вѣка враги Христа ссылались на нихъ, чтобы правдивно оправдать свое невѣріе. „Мы не можемъ повѣрить въ Вашего Бога, говорятъ они, потому что наше моральное сознаніе не пріемлетъ вѣчныхъ адскихъ мукъ. Вы проповѣдуете религію любви, а сами грозите адомъ. Вы говорите о свободной вѣрѣ, а тому, кто свободно не повѣритъ, сулите раскаленные сковороды и котлы кипящіе“.

На этотъ „бунтъ“ невѣрующихъ христіане отвѣчали малодушными попытками оправдать вѣчныя мученія юридической теоріей воздаянія или отмщенія. Образъ Бога-Карателя, Мстителя, беспощаднаго Судьи грозной тѣнью встаетъ надъ христіанствомъ среднихъ вѣковъ, да и въ наше время еще продолжаетъ жить во многихъ христіанскихъ сердцахъ. Имъ вдохновлялись богословы, поэты и художники. Данте, Микель-Анджело, Мильтонъ черпали изъ этого источника свои величественно мрачныя видѣнія.

Напрасно стали бы мы искать въ могучей атлетической фигурѣ Бога въ „Страшномъ Судѣ“ Сикстинской Капеллы черты Евангельскаго Христа: передъ нами античный Мститель, воплощеніе безжалостнаго Рока.

И въ сколькихъ христіанскихъ поколѣніяхъ Богъ любви подмѣнялся Богомъ ненависти, ввергающимъ грѣшниковъ въ огненную пасть ада.

Въ наше время такое представленіе о загробномъ мірѣ болѣе невозможно. Христіане не могутъ больше отвѣчать на протесты невѣрующихъ ссылками на неисповѣдимость путей Господнихъ и призывами къ смиренію потому, что протесты эти исходятъ не только отъ невѣрія, но и отъ простой человѣческой совѣсти. Болѣе того, самыя рѣшительныя возраженія раздаются не со стороны безбожниковъ (которые въ загробную жизнь вообще плохо вѣрятъ), а со стороны именно христіанъ. Какъ часто приходится слышать отъ глубоко вѣрующихъ людей робкія признанія въ томъ, что „въ адъ имъ трудно повѣрить“, что „адъ нужно понимать какъ то по другому“, что „въ концѣ концовъ навѣрное все спасутся“.

Н. А. Бердяевъ считаетъ, что проблема ада въ наше время должна быть перерѣшена заново, что традиціонное представленіе о вѣчныхъ мученіяхъ неприемлемо для современнаго христіанскаго сознанія.

Дѣйствительно, этотъ вопросъ имѣетъ громадное значеніе въ построеніи христіанскаго міровоззрѣнія. Долго онъ былъ камнемъ преткновенія, теперь онъ становится пробнымъ камнемъ: качество христіанскаго сознанія можетъ быть опредѣлено въ зависимости отъ того, какъ каждая душа рѣшаетъ для себя эту труднѣйшую проблему. „Человѣкъ есть то, во что вѣритъ“, говорилъ Иванъ Кирѣевскій. Рабъ, трепещущій передъ небеснымъ палачемъ, и другъ, идущій навстрѣчу небесному Жениху, едва ли могутъ называться однимъ и тѣмъ же именемъ христіанина.

И нужно смѣло заявить, что идея Бога, создающаго адъ, для вѣчнаго наказанія грѣшниковъ — не есть христіанская идея.

Значить въ существованіе ада мы не вѣримъ?

Напротивъ, мы утверждаемъ, что адъ существуетъ вполне реально.

Откуда мы это знаемъ? Изъ личнаго опыта. Мы въ немъ были и не разъ. И теперь иногда въ немъ бываемъ. Въ нѣкоторые періоды нашей жизни мы пребываемъ въ немъ подолгу. И это случается съ каждымъ изъ насъ. Иногда мы это сознаемъ и стонемъ отъ „адской муки“, „адской злобы“, „адекаго отчаянія“. Чувствуемъ, что насъ охватываетъ мракъ бездны, что нами овладѣваютъ темныя силы, что насъ жжетъ дьявольскій огонь, душатъ зловѣщіе призраки. Я говорю совсѣмъ не о мистическихъ переживаніяхъ, а о самомъ обыкновенномъ душевномъ опытѣ, доступномъ и свойственнымъ каждому. Человѣческая душа, въ глубинѣ своего подсознанія носить въ себѣ весь адъ и всѣ легіоны демонскіе. Она можетъ предать себя ихъ страшной разрушительной силѣ, можетъ стать одержимой и бѣсноватой. Современная психологія называетъ реальнымъ то, что реально переживается. Если бы „внутреннимъ адомъ“ являлись только патологическія состоянія души (психозы, неврозы, истерія), то можно было бы сказать, что реальность ада, какъ переживанія — въ нашей жизни ограничена, что это исключеніе, а не правило. Но та же психологія учитъ, что никакой принципиальной разницы между рѣдкими неврозами и распространеннѣйшей неврастеніей нѣтъ и что всякая страсть есть своего рода одержимость. Другими словами адъ есть самое обычное и такъ сказать естественное мѣстопробываніе человѣка на землѣ. Любая страсть (злоба, сладострастіе, ненависть, зависть, гордость, уныніе) есть „сила діавола“, „огонь

вѣчный“, „червь неусыпающій“. Достоевскій — нашъ русскій Данте, — владѣль даромъ проникновенія въ эти страшныя подполья и застѣнки души; онъ прошелъ по всѣмъ кругамъ человѣческаго ада, видѣлъ „Бѣсовъ“, терзающихъ человѣка, слышалъ „плачь и скрежетъ зубовъ“, описалъ такія мытарства и муки души послѣ которыхъ „огнь неугасающій“ потусторонняго ада кажется пламенемъ, намалеваннымъ Вакулой-кузнецомъ въ притворѣ Диканьской церкви. Онъ съ яснovidѣніемъ изобразилъ адъ чувственности, въ которомъ корчится Дмитрій Карамазовъ, адъ преступной совѣсти, гдѣ задыхается Раскольниковъ, адъ чловѣкобожества Ставрогина, адъ гордости ума Ивана Карамазова, ревнивой страсти Рогожина, адъ отчаянія Кириллова.

Какъ же сомнѣваться въ реальности мѣста, топографію котораго можно изучить во всѣхъ подробностяхъ и которую каждый можетъ провѣрить на собственномъ опытѣ. Достоевскій показываетъ, что адъ есть свободное самоопредѣленіе человѣка: онъ самъ, своими руками, камень за камнемъ, строить тюрьму, въ которую себя заключаетъ. Сознаніе свободы выбора, отвѣтственности за него, возможности пойти впередъ, остановиться, или повернуть назадъ не покидаетъ человѣка никогда. Даже когда онъ низвергается на самое дно пропасти и взываетъ „de profundis“—и тутъ, въ величайшемъ паденіи и униженіи, онъ не забываетъ о своей власти „все измѣнить“.

О „фатальности“, предопредѣленности Достоевскій ничего не знаетъ. Человѣческая воля не детерминирована ни снизу (біологіей, фізіологіей, соціологіей), ни сверху (Богомъ или дьяволомъ). Свобода есть ея неотъемлемое, неискоренимое свойство, и всякая инерція порока или грѣха можетъ быть преодолима однимъ мгновеніемъ раскаянія (Раскольниковъ, Дмитрій Карамазовъ.).

Человѣкъ попадаетъ въ адъ, потому что онъ этого хочетъ. Его воля абсолютно свободна: передъ ней останавливается даже всемогущество Божіе. Процессъ схождения въ адъ прослѣженъ Достоевскимъ во всей его трагической послѣдовательности. Человѣку предоставленъ свободный выборъ между добромъ и зломъ. Онъ выбираетъ зло, зная, что это зло; предается дѣмонамъ страсти, зная ихъ разрушительную силу. Сдѣлавъ выборъ, онъ устремляется въ намѣченномъ имъ направленіи, съ возрастающей скоростью, какъ падающее тѣло. Грѣхъ, въ который онъ ввергается, охватываетъ его все полнѣе и тѣснѣе; вокругъ души образуется оболочка, которая дѣлается все тверже и непроницаемѣй; постепенно душа обростаетъ каменной скорлупой, отдѣляющей ее отъ міра и замуровывающей ее въ темницу. Связи съ людьми, со вселенной рвутся одна за другой. Душа глохнетъ и слѣпнетъ; она погружается въ

свою самость, теряет чувство реальности, становится предельно одинока. Въ связи съ міромъ, ея внутренняя жизнь превращается въ игру тѣней. Душа „окаменѣло-безчувственная“ пребываетъ въ „сѣни смертной“, мечется въ лихорадочномъ бреде, видитъ кошмарные сны. Вызванныя ею къ жизни губительныя силы обрушиваются на нее самое: ярость грызетъ собственное тѣло, зависть отравляетъ собственнымъ ядомъ, гордость приводитъ къ самоубійству, похоть сгораешь на собственномъ огнѣ.

Эти самоистязанія души воистину „адскія муки“.

Современная психологія показываетъ, какъ аффекты, считающіеся самыми нормальными, стремятся къ полному овладѣнію сознаниемъ человѣка. Аффектъ имѣетъ тенденцію утвердиться въ видѣ страсти и вытѣснить всѣ другія чувства. Если это ему удастся, онъ превращается въ порокъ, въ манію, а манія есть уже нарушеніе равновѣсія души, начало болѣзни духа. Неуловимыми переходами мы вступаемъ въ область неврововъ, которымъ въ той или другой мѣрѣ свойственны переживанія тьмы, отъединенія, самозамкнутости, одиночества, потери чувства реальности. Такимъ образомъ, душевныя заболѣванія и съ точки зрѣнія современной науки представляются имманентными наказаніями за грѣхи, внутреннимъ судомъ, который слѣдуетъ за свободнымъ отпаденіемъ отъ Божіей соборности. Крайняя степень этого обособленія есть солипсизмъ (Я одинъ существую, я — Богъ), безуміе, ведущее къ самоуничтоженію (Кирилловъ у Достоевскаго). Это „смерть вторая“, та „тьма внѣшняя“, въ которой демоническая „самость“ горитъ и не сгораешь въ вѣчномъ огнѣ. Горитъ, т. е. сама себя уничтожаетъ, не находя въ себѣ источника бытія, и не сгораешь, т. к. „образъ Божій“ въ ней неистребимъ.

Переживаніе метафизической гибели, сходженіе во адъ неоднократно описывались мистически одаренными людьми: припомнимъ потрясающій разсказъ Мотовилова, собесѣдника св. Серафима Саровскаго, видѣніе св. Терезы Авильской, описаніе Якова Беме, Сведенборга, Данте.

О. П. Флоренскій въ книгѣ „Столпъ и утвержденіе истины“ разсказываетъ о своемъ духовномъ опытѣ „ада“: „Однажды во снѣ я пережилъ его со всей конкретностью. У меня не было образовъ, а были одни чисто внутреннія переживанія. Безпросвѣтная тьма, почти вещественно-густая, окружала меня. Какія то силы увлекли меня на край и я почувствовалъ, что это край бытія Божія, что внѣ его абсолютное Ничто. Я хотѣлъ вскрикнуть и не могъ. Я зналъ, что еще одно мгновеніе и я буду извергнутъ во тьму внѣшнюю. Тьма начала вливаться во все существо мое. Самосознаніе на половину было утеряно, и я зналъ, что это абсолютное, метафизическое уничтоженіе.

Въ послѣднемъ отчаяніи я завопилъ не своимъ голосомъ „Изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи. Господи, услыши голосъ мой.“ Въ этихъ словахъ тогда вылилась душа. Чьи то руки мощно схватили меня утопающаго и отбросили куда то, далеко отъ бездны. Толчокъ былъ внезапный и властный. Вдругъ я очутился въ обычной обстановкѣ, въ своей комнатѣ кажется: изъ мистическаго небытія попалъ въ обычное, житейское, бывалое. Тутъ сразу почувствовалъ себя передъ лицомъ Божьимъ и тогда проснулся, весь мокрый отъ холоднаго пота.“

Но почему душа, зная, что такое зло и чувствуя что такое грѣхъ, всетаки имъ предается?

Какъ можетъ быть подобный свободный выборъ?

На этотъ вопросъ Достоевскій даетъ исчерпывающій отвѣтъ.

Въ увѣренности, что зло можно предпочесть добру только по невѣдѣнію или по ошибкѣ заключается раціоналистическая ошибка. Толстой думалъ, что человѣкъ грѣшитъ исключительно по неразумію. Если ему втолковать, что добро лучше зла, что грѣшитъ неразумно и вредно — онъ тотчасъ же станетъ добродѣтельнымъ. Толстой считалъ, что Евангельская мораль обращена къ разуму: „Христосъ учитъ насъ не дѣлать глупостей“.

Достоевскій далекъ отъ такого плоскаго раціонализма; онъ знаетъ, что человѣкъ можетъ выбрать зло вопреки всѣмъ доводамъ разума, что его воля и свобода ирраціональны. Какой бы разумный рай мы не построили, всегда найдется какой нибудь джентельменъ „съ ретроградной и насмѣшливой фізіономіей и весь этотъ рай пошлетъ къ черту, единственно для того, чтобы по своей глупой волѣ пожить“.

И Достоевскій зналъ еще другое: человѣческая душа антиномична: она можетъ любить не только добро, но и зло; даже можетъ любить ихъ одновременно; въ одной и той же душѣ могутъ преспокойно уживаться тоска по небу и глубины сатанинскія, идеаль Мадонны и идеаль Содомскій.

И совсѣмъ не доказано, что человѣкъ неминуемо долженъ стремиться къ созиданію и бытію; разрушеніе и собственная гибель могутъ быть для него безконечно желанными. Какъ часто романы Достоевскаго кажутся „реальнымъ комментариемъ“ къ стихамъ Пушкина:

Все, все, что гибелью грозитъ,

Для сердца смертнаго таитъ

Неизъяснимы наслажденья —

Безсмертія можетъ быть залогъ.

Человѣкъ можетъ своей гибелью утверждать свое безсмертіе. Свободнымъ выборомъ смерти, вмѣсто жизни, онъ возвышается надъ всей эмпирической дѣйствительностью, обзрѣваетъ

ее съ высоты своего вѣчнаго духа, дѣлаетъ transcensus въ иной планъ бытія (къ которому и принадлежитъ, ибо онъ есть существо не только тварное).

Итакъ: адъ реально существуетъ, мы его знаемъ по личному опыту. Онъ созданъ не Богомъ, ибо Богъ зла не творить, а создается самимъ человѣкомъ въ его свободѣ. Адъ есть не наказаніе, а онтологическое слѣдствіе самоопредѣленія человѣка.

Адъ есть отпаденіе отъ Бога, желаніе „по своей глупой волѣ пожить“, „тьма внѣшняя“, предѣльное одиночество.

До сихъ поръ мы разсматривали это понятіе только въ планѣ психологическомъ, въ предѣлахъ отдѣльной души и личной судьбы. Но понятіе ада шире. Есть адъ — социальный: адъ бѣдности и нищеты, адъ социальнаго неравенства, сырыхъ и темныхъ кварталовъ, въ которыхъ чахнутъ туберкулезные дѣти безработныхъ, грохочущій адъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ въ бессмысленномъ механическомъ трудѣ миллионы рабочихъ превращаются въ животныхъ, адъ проституціи, тюремъ, исправительныхъ домовъ, адъ биржъ и банковъ, адъ міровой войны, колониальныхъ завоеваній, карательныхъ экспедицій, адъ борьбы классовъ, партійныхъ распрей, демагогическаго дурмана, адъ желтой прессы, большихъ городовъ, адъ коллективной ненависти между народами, расами, государствами и т. д.

Ко всему этому мы приглядѣлись, и адскія ландшафты насъ болѣе не пугаютъ. Мы настолько привыкли къ „скрежету зубовому“ и „тѣни и сѣни смертной“, въ которыхъ живемъ, что у насъ даже сохранился неприкосновеннымъ „нравственный пафосъ“, и самая мысль о возможности ада возмущаетъ наше нравственное чувство. И развѣ не удивительно, что мы не допускаемъ возможности того, чья реальность обступаетъ насъ со всѣхъ сторонъ?

Но есть одна надежда, помогающая намъ выносить адскія муки здѣсь на землѣ: эти муки временны, думаемъ мы, когданибудь они кончатся, смерть освободитъ насъ отъ посюсторонняго ада. Но для того, чтобы утѣшаться этой надеждой, нужно быть убѣжденнымъ, что смерть есть полное уничтоженіе, а въ этомъ не можетъ быть убѣжденъ никто. Вѣра въ безсмертіе совсѣмъ не есть исключительная принадлежность религіи. Наука тоже знаетъ безсмертіе: она утверждаетъ безсмертіе энергіи (законъ сохраненія энергіи) въ физическомъ мірѣ, безсмертіе ткани въ мірѣ органическомъ и безсмертіе сознанія въ мірѣ психическомъ. Современная психологія приходитъ къ положенію о неразрушимости духовной энергіи въ человѣкѣ, о надвременности, т. е. вѣчности, его личнаго я. Безсмертіе личности перестаетъ быть догматическимъ утвержденіемъ религіи и становится самоочевидностью для каждаго, кто способенъ

философски мыслить. А слѣдовательно, вѣра въ смерть, какъ полное уничтоженіе, есть просто матеріалистическое суевѣріе, противорѣчащее не только религіозному опыту, но и даннымъ философіи и науки. Нѣтъ буквально никакихъ основаній думать, что духовная жизнь человѣка прекратится со смертью. Вотъ если бы она была функціей организма, эпифеноменомъ физиологіи, тогда распаденіе тѣла влекло бы за собой разрушеніе души. Но отъ такого наивнаго матеріализма психологія давно уже освободилась: она знаетъ, что не тѣло создаетъ душу, а душа формируетъ тѣло. Она знаетъ также, что смерть тѣла не есть полное развоплощеніе души. Распадаются физическія и химическія частицы тѣла, но не тѣлесность. Образъ тѣлесности неотдѣлимъ отъ души и она уноситъ его съ собой.

А если такъ, то о какомъ уничтоженіи можетъ быть рѣчь? Душевные процессы, начавшіеся въ этой жизни, будутъ продолжаться въ другомъ планѣ и послѣ смерти. Если при жизни человѣкъ былъ охваченъ огнемъ любви, этотъ огонь не потухнетъ, а еще сильнѣе разгорится въ томъ мірѣ; если его терзали демоны, душила злоба, ослѣпляла ненависть, леденила гордыня, жгла мстительность, грызло отчаянье — всѣ эти „духи тьмы“ перейдутъ съ нимъ въ вѣчность. Ибо плотскихъ страстей не бываетъ, всѣ страсти духовны, даже похоть и сладострастіе. Рационалистическое заблужденіе, что человѣкъ дѣлится на двѣ самостоятельныя части — духъ и плоть (Декартовская *res cogitans* и *res extensa*) сдано въ архивъ современной антропологіей. Мы знаемъ теперь, что человѣкъ, во всемъ своемъ тройственномъ составѣ — духъ, душа и тѣло — насквозь духовенъ.

Наконецъ, обратимся къ нашему личному опыту. Правда ли, что понятіе вѣчности чуждо, непонятно и неприемлемо для нашего сознанія? Правда ли, что наша земная жизнь протекаетъ исключительно въ планѣ времени? Быть можетъ, насъ пугаетъ слово вѣчность только потому, что мы подмѣняемъ его совсѣмъ другимъ понятіемъ — дурной безконечности?

Насъ ужасаетъ нагроможденіе отрѣзковъ времени, (годъ за годомъ, тысячелѣтіе за тысячелѣтіемъ, триллионы лѣтъ и опять триллионы лѣтъ). Но это совсѣмъ не есть вѣчность, упраздненіе и преодоленіе времени, а его безконечное повтореніе, утвержденіе — полное торжество временности.

Въ такомъ пониманіи не только вѣчныя муки, но и вѣчное блаженство можетъ показаться кошмаромъ. Нѣтъ такой радости, которая, растянутая на билліоны лѣтъ, не превратилась бы въ невыносимую скуку и отчаяніе. Вѣчность же есть побѣда надъ временемъ, стяженіе всѣхъ безконечныхъ времен-

ныхъ рядовъ въ одну точку, съ вершины которой въ одно мгновение и сразу обозрѣвается прошедшее, настоящее и будущее. Вѣчность есть та послѣдняя секунда передъ смертью, въ которую человѣкъ видитъ и переживаетъ всю свою жизнь.

Время разворачиваетъ передъ нами свой свитокъ:

„Воспоминанье предо мной свой длинный развиваетъ свитокъ.“

Въ каждую минуту мы видимъ только одну строку: предыдущая уже скрылась, слѣдующая еще не открылась. Но вотъ наступаетъ вѣчность и весь свитокъ лежитъ передъ нами развернутый.

Это чувство надвременности соприсуще нашему сознанию: наша память, наше воображеніе, нашъ разумъ, наше Я надвременны. Мы реально переживаемъ вѣчность въ творческомъ вдохновеніи, въ искусствѣ, въ любви. Мы только отчасти погружены въ потокъ времени и измѣряемъ нашу жизнь не по вращенію планетъ, а по напряженности и значительности нашихъ переживаній. Мы останавливаемъ время и оно намъ повинуется. Вѣчное Царство Божіе и вѣчный адъ внутри насъ, и мы въ любую минуту можемъ вступить въ нихъ. Вѣчность переплетена со временемъ и Платонъ говоритъ, что „время есть нѣкій подвижной образъ вѣчности“. А изъ этого слѣдуетъ, что мы имѣемъ право къ нашему первому положенію: „адъ реально существуетъ“, прибавить одно слово: „вѣчный“ адъ реально существуетъ.

И вотъ мы этого вѣчнаго ада не приѣмлемъ. Именно потому, что онъ реальность, что мы знаемъ его по личному опыту мы его и не приѣмлемъ.

Обоснованію этого „непріятія вѣчнаго ада“, посвятимъ слѣдующую половину статьи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

К. Мочульскій.

## Къ современнымъ богословскимъ спорамъ.

О нашей эпохѣ можно сказать: мы живемъ въ вѣкъ богословскаго возрожденія. Человѣчество — и въ Православіи и на Западѣ — перестало довольствоваться въ своей вѣрѣ сочетаніемъ практическаго благочестія, сердечнаго умиленія и механическаго повторенія затверженныхъ формулъ катехизиса. Оно желаетъ цѣлостной вѣры, вѣры отъ всего сердца, воли — и разума („Возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ . . . и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ“). Разумъ данъ намъ не только для познанія внѣшняго міра, но для богопознанія. Онъ не проклятъ — одинъ